

*Эта книга представляет собой
художественное произведение.
Все персонажи, организации и события,
изображенные в этом романе,
либо являются плодом воображения автора,
либо используются в вымышленных образах.*

Отрывок из Манифеста Высшего совета

Процесс всегда начинается одинаково: в венах на запястьях появляется темнеющая синева. Это общеизвестный факт. Далее проявляются следующие симптомы: поверхностное дыхание, кашель, лихорадка и мышечная боль. После заражения может пройти один или два дня, прежде чем потемнение вен распространится по всему телу. На этом этапе склеры глаз покрываются пятнами. Далее пигментация достигает конечностей, которые становятся темнее грозовой тучи. На последних стадиях вены становятся крайне чувствительны, пульсируя, они готовы взорваться в любой момент.

В самых тяжелых случаях вены лопаются под кожей.

В конце концов боль становится невыносимой, сопровождаясь бредом и паранойей различной степени. Согласно распространенному высказыванию одного барда, «они боятся даже больше, чем мы».

Нынешняя эпоха безвозвратно запятнана смертью и хаосом; наши улицы, поля и дома пропитаны отвратительным, гнилостным зловонием болезни. Облако дыма от тысяч погребальных костров, от домов, которые мы должны сжечь, чтобы очиститься от болезни, поднимается над Монтаной.

Чтобы остановить развитие этой трагедии, надо понять ее истоки.

Болезнь, именуемая «Смерть Индиго» или «скверна», впервые была зарегистрирована в сельском поместье на юго-западе. Казалось, заражение распространялось вместе смолвой, и не успевало известие дойти до очередной деревни, как там уже вспыхивала болезнь. Она распространилась так быстро, что всего за несколько дней случаи массового заражения были зафиксированы во всех уголках Монтаны. Все, у кого обнаруживались признаки заболевания, немедленно помещались в карантин, но изоляция больных не могла остановить рост смертей. Всюду царило смятение. Мы были нацией, охваченной болью, страхом и хаосом.

Среди живущих сегодня есть те, кто еще помнит мрачные процессии врачей в масках, ведущих через сельскую местность караваны синих трупов к их последнему костру.

Только после тщательного исследования барды Высшего совета обнаружили истинную природу врага:
чернила.

Мы охотно использовали их — в наших рассказах, письмах и новостях. Они были в наших домах, мы передавали их нашими руками и распространяли, несмотря на все предупреждения.

Но вместе мы поднимемся над прахом наших павших и откроем новую эру спокойствия и процветания в Монтане.

Пришло время присоединиться к Высшему совету, чтобы обезопасить себя от повторения этой трагедии в будущем.

Тирания Смерти Индиго может быть свергнута.

Наша история показывает, что бдительность и осторожность равносильны выживанию. Выжгите чернила с этой страницы. Отворачивайтесь от запретных слов, ядовитых историй и смертоносных символов. Очистите страну от этой пагубной заразы.

Присоединяйтесь к нам.

* * *

Шай сидела под старым деревом возле дома, где умирал ее брат.

До нее доходили лишь самые громкие, самые пронзительные скорбные вопли, но они стихали по мере того, как он слабел. Брат все еще с ней, но скоро должен был уйти.

Перед ней стояла корзина с тряпьем. Она запустила в нее руку, разрывая ткань на длинные куски, и горе сжало ей горло. Как только на дереве появятся ленты, извещая о смерти Кирана, все узнают, что Смерть Индиго пришла за ее семьей.

Она подумала о синих венах, ползущих по коже брата, и содрогнулась. Старшие не позволяли ей приближаться к нему, но через приоткрытую дверь спальни она видела явные признаки обострения болезни. Она слышала звуки, которые он издавал, в основном крики боли и яростный кашель.

Он был совсем еще ребенком, младше ее на три года. Это казалось несправедливым.

В животе у нее все скрутило, когда она встала, готовясь взобраться на дерево, и в этот момент из дома донесся долгий, пронзительный вопль. Единственными звуками на многие мили вокруг оставались леденящие кровь крики Кирана

и успокаивающий голос Ма, которые ветер уносил вниз по серому склону горы.

Шай сунула ленты, которые она сделала, в карман и начала взбираться на дерево. Устроившись в развилке ствола, она стала привязывать темно-синие ленты к ветвям. Блестящее зимнее солнце выглянуло из-за туч, и корявые тени от ветвей деревьев легли на их дом.

Шай вздрогнула. Тени походили на зараженные вены.

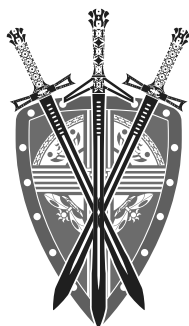
Со своего места на дереве Шай увидела вдали трех мужчин верхом на лошадах, которые быстро поднимались по тропе. Она никогда не видела таких красивых лошадей, хотя слышала об этих существах, разительно отличающихся от деревенских лошадей. Все в Монтане знали историю первого всадника: давным-давно, за много веков до того, как пришла болезнь, он приручил дикого коня, который, как говорят, был рожден от солнца. На его спине он скакал сквозь пустую тьму нерожденного мира, создавая жизнь словами, слетавшими с его губ. Там, где он ступал, земля обретала бытие и цвет.

Гривы и хвосты лошадей развевались, двигаясь словно под водой, и блестели даже в угасающем свете. Столь красивые животные могли принадлежать только Высшему совету.

Барды пришли, чтобы сжечь ее дом.

Хотя их лица скрывали капюшоны, Шай могла поклясться, что видела, как под их тенью губы бардов мерно шевелятся. Ветер дул все сильнее, пока они приближались, и вопли усилились, вторя его лихорадочным порывам. Ветка качнулась под ее рукой, и Шай потеряла равновесие. Она скользнула вниз, выпустив ветвь.

Все, что она увидела, когда падала, был безумный танец лент, яростных и диких, бьющихся на ветру.

Глава 1

Щелк. «Щелк, щелк, щелк». Мои глаза резко открываются, я лежу в своей постели. Тонкое одеяло подо мной скомкано. Тот же сон, воскрешающий день, когда все это произошло, пять лет назад.

Темная фигура стоит надо мной, щелкая пальцами.

— Просыпайся, соня!

— Шшш, — шепчу я, — потише, а то разбудишь Ма, — ей нужен сон еще больше, чем мне.

Фиона фыркает, отступая от кровати в полосу серого рассвета, льющегося из окна. При свете она не такая страшная. Высокая, стройная, светловолосая, с высокими скулами, какие во всей Монтане не найти, она словно пятнистый солнечный свет под деревом — прекрасна так, что сама не может этого видеть. Мои родители были оба темноволосые, невысокие и коренастые. У меня никогда не было шанса вырасти такой высокой и красивой, как Фиона. Однако ни одного из них не смущали тысячи веснушек на лице — это, казалось, было моей уникальной чертой.

Моя подруга пожимает плечами.

— Почему-то я сомневаюсь в этом, особенно если она спит так же крепко, как ты.

Я бросаю взгляд на маму. Она спит под одеялом на кровати напротив — хрупкая фигура, ее ребра мягко поднимаются и опускаются с каждым вздохом. Возможно, Фиона права. Мама спит как убитая.

— Что ты здесь делаешь? — я стягиваю с ног рваное одеяло и начинаю массировать рану в плече.

— Сегодня первая четверть луны, помнишь?

Отец Фионы продает шерсть наших овец и платит нам едой из своего магазина. Они одна из немногих семей в городке, которая продолжает общаться с нами с тех пор, как болезнь коснулась нас. И вот каждый месяц в первую четверть луны Фиона заезжает к нам, и мы обмениваемся скудными товарами, которые позволяют нашим семьям выжить.

— Но почему так рано? — я подавляю зевок. Мои ноги болят, а когда я опускаю их на холодный пол, то чувствую, как они дрожат от усталости. Прошлой ночью я не могла заснуть, даже после долгого дня в поле — темные сны бродили по краю сознания, полные тихих шепотов и теней. Я просидела несколько часов, щурясь на свое рукоделие при слабом свете полумесяца, струящемся через окно, и пыталась шить, чтобы отвлечься.

Фиона следует за мной в другой конец комнаты, где висит моя одежда. Простая белая рубашка, выцветшая зеленая юбка, вышитая шерстяными нитками, порванная и перепачканная по подолу, и жилет на подкладке из мягкого кроличьего меха — далеко не прекрасный, на самом деле совсем наоборот, но это все, что у меня есть. Я предпочитала

работать в брюках, пока не выросла из них несколько лет назад (я носила их до момента, когда подшивать стало уже невозможно). Теперь казалось легче носить юбку, завязывая ее узлами выше колен, если становилось жарко или земля под ногами была неровной.

Фиона вежливо отворачивается, пока я снимаю ночную рубашку, закатывая глаза из-за моей стеснительности. Одевшись, я выпроваживаю ее из спальни и как можно тише закрываю за собой скрипучую дверь.

— Папа хочет, чтобы я вернулась в магазин до открытия, — говорит Фиона, наблюдая за моими руками — мозолистыми и огрубевшими от прядения, — пока я укладываю мотки пряжи в корзину, — сегодня придут барды.

Барды. Внезапно мне кажется, что дом заледенел. Старейшины города говорят, что есть сила в словах, что некоторые фразы могут изменить мир вокруг вас. То же относилось к названию болезни. Цвета индиго избегали, как будто один его вид или звук самого слова мог вызвать новую волну болезни. Теперь его называли — когда этого невозможно было избежать — проклятым цветом.

Только барды могут безопасно использовать слова в своих рассказах. Все в Монтане знают, что любой дурак может вызвать катастрофу, произнеся нечто запретное.

Некоторые считают, что мой брат был одним из этих дураков.

Говорят, болезнь началась с написанного слова. Опустошение, которое она произвела, обернулось с тех пор ужасом перед любым словом, написанным или произнесенным. Одного неосторожного высказывания может оказаться достаточно, чтобы снова началась пандемия.

Этого было достаточно, чтобы Ма перестала говорить после смерти Кирана.

Знакомое чувство страха змеится внутри.

Барды приезжают раз или два в год, отправляя письменное предупреждение, которое ворон доставляет деревенскому констеблю в лучшем случае за день до их прибытия. Констебль, в свою очередь, созывает жителей и собирает скудные плоды труда Астры, готовясь к встрече бардов. Барды собирают десятину для Высшего совета и — если пожелают — могут провести обряд благословения земли и ее народа.

Но они редко бывают довольны. Подношения Астры скудны: охапка шерсти, несколько пучков светлой пшеницы. Шкура и рога оленя, если повезет.

Благословения в Астре не проводились при моей жизни, но самый старший из старейшин, дедушка Куинн, часто рассказывает об одном. Тогда после ухода бардов его семейная пшеничная ферма дала урожай, которого хватило на шесть недель.

Последний раз я видела бардов издалека в день смерти Кирана. После этого мама запретила мне смотреть на них — это были последние слова, которые она произнесла вслух. Но у меня в любом случае нет времени следить за ними, когда они приезжают. Безжалостное солнце иссушает землю, и мне часто приходится отгонять наше стадо на много миль от дома, чтобы убедиться, что оно сыто. В прошлом месяце мы потеряли из-за голода трехнедельного ягненка.

Теперь я понимаю, почему Фиона пришла так рано. Если скудные мотки пряжи из шерсти наших овец хоть немного увеличат городскую десятину, возможно, барды помогут

покончить с засухой. Астра не видела дождя почти девять месяцев.

— С тобой все в порядке?— тихо спрашивает Фиона.

Я отрываю взгляд от пряжи и смотрю на нее. В последнее время меня преследуют странные мысли. Вещи, которые я не могу объяснить. Сны, которые больше похожи на ужасные предсказания. Я просыпаюсь с растущим страхом, что со мной что-то явно не так.

— Я в порядке, — слова тяжело слетают с губ.

Фиона, прищурившись, смотрит на меня большими зелеными глазами.

— Лгунья, — прямо говорит она.

Я делаю глубокий вдох, когда отчаянная, глупая идея зарождается в моей голове. Бросив быстрый взгляд на закрытую дверь спальни, я хватаю в одну руку корзинку с пряжей и тащу Фиону из дома.

Солнце едва коснулось неба, когда мы выходим наружу, и воздух все еще холодный и сухой. Окружающие горы пререзают темную зубчатую линию вдаль и отбрасывают на долину завесу прозрачных теней, туман поднимается от увядшей травы.

Я молча веду Фиону вдоль дома. Несмотря на холод, моя кожа кажется горячей. У меня голова идет кругом. Я боюсь, что если я повернусь и Фиона увидит мое лицо, пусть даже на мгновение, она каким-то образом узнает правду.

Я, возможно, была в серьезной опасности, и, находясь рядом со мной, она тоже оказывалась под угрозой.

Это началось около года назад, сразу после моего шестнадцатилетия. Я вышивала один из маминых платков, черные птицы кружились по ткани, когда я подняла голову